

ЕКАТЕРИНА
МОДВИНЦЕВА

ОДНА
НА ДВОИХ

Екатерина Мордвинцева

Одна на двоих

<https://litres.ru/74211482>

Аннотация

Они — аномалия. Нарушение всех правил их скрытого от людей мира оборотней. Их связь — проклятие, которое может разжечь войну между стаями. Им предлагают простой выход: выбрать одного, а второго изгнать навсегда. Но они знают, что любой выбор убьёт часть их самих. Остаётся только один путь — принять свою чудовищную природу и пройти запретный ритуал. Даже если цена — вечное изгнание и вечная зависимость друг от друга.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	54
Глава 9	60
Глава 10	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1

Мастерская пахла скипидаром, льняным маслом и пылью, прогретой за день южным солнцем. Вадим стоял спиной к окну, за которым медленно гасла полоса морского заката, растворяясь в индиго ночи. Он не зажигал свет — сумеречное освещение было его союзником, оно стирало границы, позволяло краскам на холсте жить своей собственной, прозрачной жизнью.

На мольберте рождалась тоска. Большой холст, ещё сырой, дышал холодом и одиночеством. В центре, из хаоса мазков тёмной охры, умбры и сажи, проступала фигура волка. Не мифического зверя, а усталого, с приспущенным хвостом и взглядом, устремлённым куда-то за пределы картины — в сторону зрителя, но сквозь него. Вадим пытался поймать не образ, а чувство — то самое тяжёлое, свинцовое чувство неприкаянности, которое преследовало его с тех пор, как он впервые осознал в себе двойную природу. Человек всегда был немного посторонним. Волк — всегда в изгнании.

Телефон загудел на столе, заставив вздрогнуть. Вибрация разносилась по дереву, отзываясь в костяшках его пальцев, запачканных ультрамарином. Он не хотел отрываться. Ещё один мазок, ещё один — и, возможно, эта гнетущая пустота внутри наконец выльется наружу и оставит его в покое.

Но телефон не умолкал. Упрямая, настойчивая вибрация.

Вадим смахнул кисть о тряпку, раздражённо вздохнул и протянул руку. Экран светился в полумраке, как одинокий маяк: «ВЛАД. БРАТ».

Тревога. Она пришла не с телефонным звонком. Она дремала в нём всё утро, с самого пробуждения — лёгкое, почти невесомое беспокойство где-то под рёбрами, едва уловимое щемление. Связь близнецов — не мистика, а факт их природы. Ощутимая, как пульс, но куда более изменчивая. В последние годы она превратилась в тихий, почти забытый фон: редкие смс, короткие звонки по праздникам, скупые новости о делах стаи и родителей. Но фон этот никогда не был полностью нейтральным. Сейчас он гудел низко и тревожно, созвучно вибрации телефона.

Вадим принял вызов, прижал аппарат к уху.

— Влад. — Его голос прозвучал глухо, отрешённо.

— Вадим. — Голос брата был как всегда: ровный, выверенный, лишённый лишних интонаций. Голос человека, который привык, что его слушают и ему подчиняются. Но сегодня в нём была какая-то новая частота. Некая напряжённая собранность, как перед важным объявлением. — Ты один? Можешь говорить?

— Я в мастерской. Говорить могу, рисовать — сейчас нет, — Вадим откинулся на спинку скрипучего стула, уставившись на свою неоконченную тоску в волчьем обличье. — Что стряслось? У стаи проблемы? С родителями всё в порядке?

— Со стайей всё в норме. Родители здоровы. Проблема...

или нет, не проблема. — Влад сделал паузу. Вадим мысленно увидел его: он наверняка стоит у своего панорамного окна в кабинете, глядя на огни ночного города, собрав пальцы в характерную замкшую конструкцию. — Дело не в стае. Дело личное. Мне нужно, чтобы ты приехал.

«Приехал». Не «приезжай», а «мне нужно, чтобы ты приехал». Команда, завернутая в бумагу просьбы. Старший брат. Будущий, если ещё не настоящий, альфа их городской стаи.

— Влад, у меня работа, — начал было Вадим, но брат его перебил.

— Работа подождёт. Это важно. Важнее любой твоей работы, — в голосе Влада прозвучала сталь. Но не злая. Уверенная. — Я... принял решение. Насчёт жизни.

Ледяная полоса пробежала по спине Вадима. Его волк, дремавший на окраине сознания, мгновенно пришёл в полную боевую готовность. Шерсть встала дыбом незримо, внутри. Он медленно выпрямился.

— Какое решение? Ты что, влип в какие-то дела? Юридические?

Последовала ещё одна пауза, более долгая. И когда Влад заговорил снова, в его голосе появилось что-то, чего Вадим не слышал с детства, с тех пор, пока они не осознали, кто они, и мир не стал сложнее. Чистая, неподдельная, почти смущённая... радость.

— Я женюсь, Вадим.

Слова повисли в тихом воздухе мастерской, смешавшись с

запахами красок. Вадим не нашёлся, что ответить. Он просто сидел, сжимая телефон в руке так, что корпус затрещал.

— Ты... нашёл её? — выдохнул он наконец. «Её». Истинную пару. Ту, чей запах будет роднее воздуха, чей голос будет успокаивать волка, чье присутствие заставит мир обрести, наконец, устойчивые очертания. Священный Грааль их вида. Миф, который иногда оказывался правдой.

— Да, — ответил Влад, и это короткое слово прозвучало как обет. — Я нашёл её. Её зовут Ева.

Ева.

Имя ударило в висок, как глухой удар колокола. Обычное человеческое имя. Но внутри Вадима что-то ёкнуло, оборвалось и замерло в падении. Его собственный волк, секунду назад насторожившийся, вдруг издал тихий, непроизвольный вой — не громкий, лишь внутреннее эхо, от которого сжались все внутренности. Тревога, дремавшая под рёбрами, разом проснулась, превратилась в стаю острых, ледяных бабочек, бьющихся о клетку груди.

— Вадим? Ты меня слышишь?

Он услышал. Но мир вокруг потерял чёткость. Он видел краски на палитре, свой холст, пылинки в луче уличного фонаря, но всё это было плоским, ненастоящим.

— Слышу, — его собственный голос показался ему чужим. — Поздравляю, Влад. Серьёзно. Это... невероятно.

— Это — судьба, — поправил его брат, и в его тоне снова появилась эта новая, тёплая нота. — Я хочу, чтобы ты был

рядом. Ты — мой брат. Мой близнец. Без тебя... это будет неполно. Она должна знать всю мою семью. И ты должен её знать.

Должен. Опять это слово.

— Конечно, — автоматически ответил Вадим. Мозг лихорадочно работал, пытаясь анализировать бурю внутри. Почему такая реакция? Ревность? Да, возможно. Горькая, чёрная зависть к удаче брата, к его найденному покою, который сам он, Вадим, считал для себя недостижимым. Но это было больше. Это был первобытный, животный страх. Предчувствие.

— Я вышлю тебе билеты, — продолжал Влад, уже деловым тоном. — На пятницу. Побудь несколько дней. Познакомитесь. Она... она особенная, Вадим. Не такая, как все.

Не такая, как все. От этих слов мурашки побежали по рукам.

— В каком смысле? — спросил Вадим, пытаясь взять себя в руки.

— В самом лучшем, — уклончиво ответил Влад. — Увидишь сам. До пятницы. Жду.

Связь прервалась. Вадим медленно опустил телефон на стол. Гул в ушах не стихал. Он подошёл к холсту, к изображению волка с потерянным взглядом. Жёлтые глаза зверя, написанные им самим, смотрели на него теперь с немим укором и... знанием.

Он обернулся к окну, к огромному, холодному небу, усы-

панному чужими звёздами. Где-то там, на севере, в городе из гранита и строгих правил, его брат, его вторая половина с самого начала, стоял, вероятно, всё у того же окна и смотрел на тот же самый месяц. И думал о ней. О Еве.

Имя отзывалось в нём странным эхом, будто падающим в глубокий, забытый колодец памяти. От него сжималось сердце и бешено колотилось, смешивая радость за брата с чем-то тёмным, тяжёлым и бесконечно грустным.

Его волк внутри больше не выл. Он сидел, насторожив уши, и тихо, очень тихо рычал в пустоту, учуяв на ветру перемены что-то такое, что не сулило ничего хорошего. Только старую боль и новый, ещё неведомый разлом.

Глава 2

Поезд «Ласточка» нёсся в ночи, разрезая своим стальным клином густую тьму между городами. За окном мелькали, сливаясь в чёрно-серые полосы, спящие поля, островки леса, редкие огоньки одиноких хуторов. Вадим сидел у окна, уставившись в своё отражение, наложенное на этот невидный пейзаж. В салоне было душно, пахло пластиком, подогретой едой и усталостью. Он почти физически ощущал, как расстояние между ним и его мастерской, его привычным хаосом, растёт с каждой минутой, а тонкая нить связи с Владом, наоборот, натягивалась, вибрировала всё сильнее, передавая беспорядочные импульсы: ожидание, решимость, странную, приглушённую тревогу. Брат волновался. И это заставляло волноваться его.

Он купил билет в купе, чтобы быть одному. Теперь благодарил себя за это решение. Его волк, всегда более чувствительный в замкнутых пространствах, наполненных чужими запахами, был на грани. Шерсть внутри будто стояла дыбом, когти царапали изнутри, требуя выйти, побежать вдоль полотна, ощутить ветер и свободу вместо этой металлической коробки.

И всё из-за имени. Ева.

Он закрыл глаза, откинув голову на жесткий подголовник. Шум колёс превратился в монотонный гул, похожий на шум

моря в раковине. И память, которую он десятилетиями запечатывал в самом дальнем и тёмном чулане души, нашла щель и хлынула наружу.

Девять лет назад. Конец лета.

Ему был двадцать один. Он был другим — неистовым, голодным до всего: жизни, красок, ощущений. Его волк был молод и дерзок, рвался на свободу в каждой городской ночи. Он не искал пару. Он убегал от самой мысли о ней, потому что это означало осесть, принять правила стаи, стать таким, как Влад. Он искал лишь вдохновение и острые ощущения.

И нашёл её на заброшенной железнодорожной станции на окраине города. Он приходил туда рисовать — ржавые рельсы, разбитые стекла депо, упрямую зелень, пробивающуюся сквозь асфальт. Она просто стояла там, прислонившись к ржавой водонапорной башне, в простом платье в горошек, с книгой в руках. Ей было, как он узнал позже, шестнадцать. Но в её глазах не было детской наивности. Была глубина, в которой тонул свет. И печаль. Такая тихая, вселенская печаль, что его собственный, обычно буйный волк замер, притих, уткнув нос в лапы.

Он подошёл. Не из-за дерзости. Из-за необъяснимого магнита.

— Это место не для чтения, — сказал он. — Здесь слишком много призраков.

Она подняла на него глаза. Карие. Тёмные, как спелый каштан, с золотыми искорками.

— Они не беспокоят, — ответила она тихо. — Они молчат. Молчу и я.

Её звали Ева. Коротко. Библейски. Роково.

Она была странной. Не от мира сего. Говорила мало, но каждое её слово было весомым, как отшлифованный речной камень. Она не боялась его, не кокетничала. Смотрела прямо. И когда их взгляды встречались, Вадим чувствовал, как мир вокруг теряет резкость, а внутри, в самой сердцевине его существа, что-то щёлкает, вставая на место, которого он никогда не знал.

Они встречались тайком. Она избегала людных мест. Говорила, что родители строгие, религиозные, не отпускают. Он верил. Он был готов верить во что угодно, потому что с ней его внутренний шторм утихал. С ней его волк не рыскал в поисках приключений, а просто... лежал рядом. Свернувшись калачиком. Довольный. И это было страшнее любой ярости — эта немыслимая, невозможная гармония.

Он помнил её запах. Не духи. Её собственный запах. Дикий мёд, нагретая солнцем хвоя и что-то ещё... неземное. Свежесть после первой грозы. Он, оборотень с нюхом, способным разложить городскую вонь на тысячу составляющих, мог часами просто вдыхать его, чувствуя, как тревога поки-

дает каждую клетку его тела.

Он помнил её прикосновения. Лёгкие, как дуновение, но оставляющие на коже жгучие следы. Он помнил, как однажды, в порыве, едва сдерживая волка, он спросил, не боится ли она его. Она тогда улыбнулась своей грустной улыбкой, провела пальцами по его щеке, где обычно после трансформации дня три держалась легкая щетина, и сказала: «Ты самый настоящий человек из всех, кого я знаю. И самый одинокий зверь».

Он заговорил с ней о своей природе. Не напрямую, конечно. Аллегориями, образами в своих картинах. Она слушала и кивала, будто понимала больше, чем он говорил. Как-то раз, глядя на его эскиз волка, она прошептала: «Он ищет свою стаю. Но он такой один, что даже луна для него чужая».

А потом был тот вечер. Последний. Они сидели на крыше того самого депо, смотрели, как заходит солнце. Она была тише обычного. Почти не говорила.

— Мы с родителями уезжаем, — вдруг сказала она, не глядя на него. — Завтра. Очень рано. Надолго. Может быть, навсегда.

— Что? Куда? Почему? — Он схватил её за руку, и его волк внутри заскулил от внезапной боли.

— Не спрашивай. Нельзя. — В её глазах стояли слёзы, но они не падали. — Запомни меня такой. Запомни этот закат. И... прости.

Он не помнил, что говорил. Кричал? Умолял? Он помнил

только её последний поцелуй. Солёный от слёз, горький от безысходности, сладкий от чего-то такого, что походило на прощание не с ним, а с частью себя самой. Он помнил, как она уходила по шпалам, растворяясь в сумерках, не оглядываясь. А он стоял, вцепившись пальцами в ржавые перила, и чувствовал, как внутри него рвётся что-то жизненно важное. Его волк завыл — тихо, жалобно, навзрыд — и с той поры так и не умолк до конца.

На следующий день он примчался к станции. К дому, на который она однажды смущённо указала. Всё было пусто. Соседи пожали плечами: «Уехали ночью. В спешке. Никому ничего не сказали».

Она исчезла. Без следа. Как мираж. Как сон.

Вадим вздрогнул, когда поезд резко затормозил на каком-то полустанке. За окном проплыли жёлтые огни маленькой платформы. Он провёл ладонью по лицу — она была мокрой. Чёрт. Он не плакал с того самого вечера.

Он так и не нашёл свою пару. После Евы все остальные казались блёклыми копиями, грубыми подделками. Его волк отворачивался от самых настойчивых и привлекательных соплеменниц. Ни один запах не мог перебить в памяти тот — мёд, хвоя, гроза. Ни один взгляд не имел той глубины. Он смирился с одиночеством, облек его в философию свобод-

ного художника, в позу неприкаянного романтика. Но в тишине ночей, особенно в полнолуние, рана кровоточила. Он был половинкой, которая так и не нашла свою целую. Или нашла — и потеряла навсегда.

А теперь Влад. Практичный, основательный Влад, который не верил в «мистику судьбы», а верил в логику и расчёт, нашёл свою. Назвал её Евой.

Совпадение. Глупое, жестокое, случайное совпадение, — твердил он себе, глядя на мелькающие во тьме огни. Тысячи Ев. Просто имя.

Но его волк не верил. Его волк, зализывавший старую рану все эти годы, теперь глухо рычал, учуяв впереди не просто чужую территорию брата, а нечто, что пахло Большой Болью и Большой Ложью. Поезд нёс его не просто на север. Он нёс его навстречу призраку. И Вадим с ужасом понимал, что часть его — та самая, израненная, юная, истерзанная — жаждет этой встречи. Чтобы наконец увидеть, что его Ева жива, счастлива, что у неё всё хорошо. Другая часть, взрослая и уставшая, кричала, чтобы он бежал. Потому что если это она... то мир рухнет.

Он достал телефон, бесцельно листая галерею. Остановился на старой, размытой фотографии. Заброшенная станция. Закат. И едва различимый силуэт девушки у водонапорной башни. Единственное доказательство, что она не призрак. Единственное доказательство, что он не сходит с ума.

Поезд тронулся, набирая скорость. Отражение в окне бы-

ло бледным, с красными от бессонницы глазами. Он увидел в них не тридцатилетнего мужчину, а того самого потерянного юношу с разбитым сердцем.

«Прости», — сказала она тогда.

Он так и не смог. И теперь ехал, чтобы, возможно, услышать это снова. Или чтобы наконец найти того, кому можно будет крикнуть в ответ всё, что копилось девять долгих лет.

Глава 3

Северный вокзал встретил его ледяным дыханием. Воздух здесь пах иначе, чем на юге: не морем и акацией, а морозной озоноватой свежестью, выхлопами согревающихся машин и сладковатым дымком из трубок кафе. Вадим вышел из вагона, и его сразу обступила плотная толпа — деловитая, спешащая, окутанная облаками пара от дыхания. Он замер на мгновение, дав волку внутри оценить обстановку. Миллионы запахов атаковали его обострённые чувства: парфюм, пота, металла, дезинфекции, жареной выпечки. Он мысленно «приглушил» их, как убавляют громкость, оставив только основные ориентиры.

И сразу же нашёл нужный. Запах брата. Чистый, холодный, с оттенками дорогого мыла, свежего снега и той самой нестигаемой уверенности — Влад. Он шёл по этому запаху, как по невидимой тропе, протискиваясь сквозь толпу. Волнение, смешанное с предчувствием, сжимало горло.

Он увидел их прежде, чем они заметили его.

Влад стоял у высокой колонны под табло с расписанием, прямой и непоколебимый, как скала в бурном потоке людей. Он был одет в тёмное пальто, идеально сидящее на широких плечах, и смотрел на приближающегося брата. Его лицо, так похожее и так разное, было спокойным, но в уголках глаз читалось ожидание. Гордость. Та самая, с которой показывают

самое ценное приобретение.

А рядом с ним... женщина.

Вадим почувствовал, как под его ногами буквально качнулся кафельный пол вокзала. Кровь отхлынула от лица, ударив в виски с оглушительным гулом. В ушах зазвенело.

Это была она. Ева.

И это была не она.

Черты лица — те самые: разрез тёмных глаз, линия скул, форма губ. Но в них не было той пронзительной, тоскливой глубины. Её лицо было... спокойным. Умиротворённым. Красивым, но как красива дорогая фарфоровая кукла — безупречно и безжизненно. Она была одета в элегантное кашемировое пальто бежевого цвета, её руки в тонких кожаных перчатках были спокойно сложены перед собой. На ушах поблёскивали небольшие серьги с какими-то тёмными камнями. Алена. Так Влад называл её в сообщении. Алена.

И самое главное, самое немыслимое, самое невозможное — от неё не исходило НИЧЕГО.

Ни запаха дикого мёда и хвои. Ни того слабого, но неотъемлемого энергетического фона, который исходит от каждого оборотня, даже самого умело скрывающегося. Ни единой волны узнавания, ни вспышки в глазах. Она смотрела на подходящего незнакомца с вежливым, слегка любопытным интересом. С тем же выражением, с каким, наверное, смотрела на новый интерьер ресторана или на картину в галерее.

Вадим почувствовал, как его собственный волк внутри за-

мер в полном ступоре. Зверь, который завыл от боли при её исчезновении и рычал от тревоги в поезде, теперь просто сидел, уткнув нос в лапы, сбитый с толку. Инстинкт кричал: «ОНА!». Но все остальные чувства, более тонкие и важные для их вида, твердили: «ЧУЖАЯ. ПУСТОТА».

— Вадим! — Влад сделал шаг вперёд, и его лицо озарила редкая, широкая улыбка. Он обнял брата крепко, по-мужски, хлопнув по спине. В этом объятии была вся братская история: и детская близость, и годы отдаления, и сейчас — желание разделить счастье. — Наконец-то. Долго же ты.

— Поезд задержался, — автоматически ответил Вадим, голос прозвучал хрипло. Он отступил на шаг, вырвавшись из объятий, не в силах оторвать взгляд от женщины.

— Алён, это мой брат, Вадим. Близнец, как видишь, но не подумай, что мы одинаковые, — пошутил Влад, легонько подталкивая её вперёд. — Вадим, знакомься. Это Алена. Моя невеста.

Женщина — Алена, Ева, призрак — протянула руку. Улыбка была милой, корректной, натренированной.

— Очень приятно, Вадим. Влад так много о вас рассказывал. Почти всё хорошее, — она сказала это с лёгкой, светской шуткой в голосе.

Вадим взял её руку. Кожа перчатки была мягкой и холодной. Он ждал — ждал хоть какой-то искры, толчка, воспоминания. Ничего. Только вежливое рукопожатие. Его собственные пальцы, казалось, онемели.

— Взаимно, — выдавил он. — Поздравляю... вас обоих.

Он заметил, как её взгляд на мгновение задержался на его лице, чуть дольше, чем того требовала вежливость. В её тёмных глазах промелькнуло что-то... смущённое? Недопонимание? Неловкость? Но не узнавание. Ни капли.

— Вы действительно очень похожи, — заметила она, отпуская его руку. — Особенно профиль. Но... что-то разное есть. Трудно уловить.

— Вадим — наш творческий гений, — сказал Влад, с гордостью положив руку ей на спину. Этот простой жест собственности резанул Вадима, как нож. — Он живёт эмоциями. Я — фактами. Ну что, поехали? Машина ждёт. Ты наверняка продрог, здесь с утра морозец.

Влад взял его небольшой рюкзак, повёл их к выходу. Вадим шёл сзади, глядя в спину Алёны. Её походка. Да, такая же, лёгкая, почти неслышная. Но в ней не было той грации дикого животного, которую он помнил. Это была походка уверенной в себе, воспитанной городской женщины.

Они вышли на площадь, где стояла тёмная иномарка Влада. Морозный воздух обжёт лёгкие.

— Садись на перед, брат, — предложил Влад, открывая пассажирскую дверь. — Алёна сядет сзади.

— Нет, нет, я на заднем, — быстро отказался Вадим, почти вскакивая на заднее сиденье. Он не мог сидеть рядом с Владом и чувствовать её присутствие в двух шагах сзади. Её молчание. Её пустоту.

Машина тронулась, погрузив их в тишину салона, нарушаемую лишь тихим гулом двигателя. Влад включил музыку — что-то классическое, ненавязчивое.

— Как дорога? — спросил Влад, глядя в зеркало заднего вида.

— Нормально, — коротко ответил Вадим, уставившись в окно.

— Вадим художник, — обратилась Алена к нему, пытаясь поддержать разговор. Её голос. Он был похож. Но в нём не было той низкой, чуть хрипловатой ноты, которая заставляла его кожу покрываться мурашками. Этот голос был выше, светлее, отполированное. — Влад говорил, вы пишете потрясающие пейзажи.

— Что-то вроде того, — пробормотал он.

— Он скромничает, — вмешался Влад. — У него настоящий дар. Дикий, необузданный. Как и он сам.

Вадим поймал её взгляд в зеркале заднего вида. Она смотрела на него с вежливым вниманием. И вдруг — он увидел это снова. Микроскопическую морщинку замешательства между бровей. Легчайшее недоумение, будто она пыталась разгадать сложный пазл, но не могла найти нужную деталь.

«Узнай. Узнай же меня, чёрт возьми», — яростно подумал он, впиваясь в её отражение взглядом. — «Это я. Тот парень со станции. Тот, кто тебя ждал».

Но её взгляд просто скользнул в сторону, к окну. Она от-

кинулась на спинку сиденья, и свет фонаря на мгновение осветил её серьги. Камни в них были тёмными, почти чёрными, и поглощали свет, вместо того чтобы отражать его. Вадим почувствовал странное, едва уловимое головокружение, когда попытался на них сосредоточиться. Он отвёл глаза.

Его волк, наконец вышедший из ступора, начал беспокойно метаться внутри. Зверь не понимал. Его нос, его инстинкты не обманывали: это та, чей запах запечатлён в самой глубине памяти. Но его нос же не чувствовал НИЧЕГО сейчас. Противоречие сводило его с ума, порождая тихую, нарастающую ярость замешательства.

А Влад... Влад был счастлив. Он вёл машину одной рукой, другой поглаживая руку Алены, лежавшую на центральном подлокотнике. Он говорил о планах на завтра, об ужине сегодня, о том, как рад, что они наконец все вместе. Он излучал удовлетворение человека, построившего идеальный мир по своим чертежам.

А Вадим сидел на заднем сиденье, в этом идеальном мире, и чувствовал, как его собственный мир — уже давно далёкий от идеала, но хотя бы устойчивый — рушится на глазах. Он приехал на встречу со счастьем брата, а попал на встречу с самым болезненным призраком своего прошлого. Призраком, который не узнавал его, не пах им и назывался другим именем.

И хуже всего было тихое, змеиное шипение сомнения, заползавшее в мозг: а вдруг он сходит с ума? Вдруг та Ева была

просто плодом его юношеского воображения, а эта женщина — просто поразительно похожа? Вдруг его старая рана открылась и теперь проецирует боль на невинного человека?

Но нет. Его волк не был понапрасну. Здесь что-то было не так. Что-то ужасно, фундаментально не так. И он сидел в машине своего брата, в трёх шагах от женщины, которую когда-то любил до безумия и которая была помолвлена с его братом, и понимал, что эта поездка в гости может закончиться катастрофой, по сравнению с которой все его прошлые беды покажутся лёгкой разминкой.

Глава 4

Дом Влада был таким же, как и он сам: безупречным, продуманным до мелочей и холодным. Современная архитектура из стекла и бетона, впускающая внутрь призрачный свет зимнего вечера, минималистичная мебель, в которой не было ни одной лишней линии, и идеальная, стерильная тишина, нарушаемая лишь тихим гулом вентиляции. Для Вадима, чья мастерская была завалена холстами, тюбиками и случайными находками, это пространство казалось музеем современного искусства, где нельзя дышать полной грудью.

Стол для ужина был сервирован с почти военной точностью: белоснежная скатерть, хрустальные бокалы, столовое серебро, разложенное строго параллельно. Запах — сложная композиция из ароматов готовящегося в духовке мяса с розмарином, свежее испеченного хлеба и чего-то цветочного, вероятно, от свечей. Но для нюха Вадима этот идеальный микс был фальшивкой. Под ним не чувствовалось жизни, тепла домашнего очага. Не чувствовалось её запаха.

Алена — нет, она настаивала на имени Алена — вышла из кухни, сняв фартук. Она сменила пальто на простую тёмно-синюю водолазку и брюки. Её движения были экономичными, точными. Она поставила на стол салатницу.

— Почти готово, — сказала она, и её голос прозвучал в тишине столовой слишком громко. — Влад, можешь достать

вино из холодильника? Бургундское.

— Конечно, — брат кивнул, бросив на Вадима взгляд, в котором читалось: «Видишь, какая она у меня хозяйка?»

Вадим молча наблюдал, как они двигаются по кухне, отлаженным дуэтом. Влад открывал бутылку, Алена проверяла мясо. Между ними была видимая гармония, спокойное понимание. Ни тени той страсти, безумия и метаний, которые он помнил. Это была картина идеального союза двух... людей. Именно это и было по нему сильнее всего. Они выглядели как красивая, успешная человеческая пара. А он, со своей невыносимой двойственностью, своим бушующим внутри волком, который сейчас бился о решётку рёбер, пытаясь докричаться до пустоты, был здесь чужеродным, диким элементом.

Они сели. Влад во главе стола, Алена и Вадим — по бокам. Прямо друг напротив друга. Он не мог отвести от неё глаз. Каждый её жест — поднесение вилки ко рту, отпивание воды, лёгкий наклон головы, когда она слушала Влада — изучался им с болезненной дотошностью. Да, манера чуть прикрывать рот ладонью, когда смеётся. Да, привычка тереть кончик салфетки, когда задумывается. Мелочи, от которых сердце сжималось в комок. Но глаза... глаза были стеклянными. В них не горел тот внутренний огонь, который когда-то освещал изнутри всё её существо.

— Итак, Вадим, — Влад разлил вино, его голос вернул брата к реальности. — Расскажи, чем живёшь. Что за проект

тебя так захватил, что ты чуть не отказался приехать?

Вопрос был задан с лёгкой иронией, но Вадим услышал в нём укор.

— Картина, — коротко ответил он, вертя бокал за ножку. Вино пахло ягодами и дубом, но на языке было как вода. — Большой холст. Волк.

— Опять твои волки, — Влад усмехнулся, обменявшись с Аленой взглядом, полным снисходительного понимания. — Ты их, кажется, всю жизнь рисуешь. Не надоел тебе этот образ?

«Ты не поймёшь. Ты никогда не поймёшь, потому что для тебя это — просто образ. А для меня — автопортрет», — пронеслось в голове у Вадима.

— Не надоел, — сказал он вслух, и его голос прозвучал резче, чем он планировал. — Он меняется. Как и я.

Алена внимательно посмотрела на него.

— А что он выражает, ваш волк? — спросила она искренне, по-видимому, пытаясь вникнуть. — Тоску? Силу? Свободу?

Её вопрос, такой прямой и простой, обжёг его.

— Одиночество, — выпалил Вадим, не отрывая от неё взгляда. — Безнадёжное, всепоглощающее одиночество существа, которое не принадлежит ни миру людей, ни миру зверей. Которое ищет свою стаю, но обречено вечно быть изгоем.

Наступила неловкая пауза. Влад нахмурился. Алена слег-

ка отвела глаза, её пальцы снова потянулись к салфетке.

— Мрачновато, — заметил Влад, отрезая себе кусок мяса. — Ты бы что-нибудь повеселее написал. Для продажи. Или портрет. Ален, кстати, могла бы тебе позировать. У неё интересное лицо.

Вадим почувствовал, как по его спине пробежала ледяная волна. Мысль писать её портрет, сидеть с ней часами наедине, изучая каждую черту, которую он знал и не знал одновременно, была одновременно пыткой и блаженством.

— Вряд ли, — пробормотал он. — Я с натуры редко пишу. Люди... не держат позу.

— Я бы попробовала, — неожиданно сказала Алена, снова посмотрев на него. И в её взгляде опять появилось это странное, пытливое замешательство. Будто она видела перед собой не человека, а сложную головоломку. — Мне кажется, вы видите что-то такое, что другие не замечают.

Эти слова, сказанные почти её голосом, той Евы, что говорила о его картинах, вонзились ему прямо в сердце. Его волк рванулся вперёд, требуя, приказывая. Зов крови был физической болью, спазмом в груди. Но перед ним сидела красивая кукла, от которой не исходило ни запаха, ни ответного импульса.

— Вы ошибаетесь, — резко сказал он, отодвигая тарелку. Еда стояла в горле комом. — Я вижу только то, что есть. Поверхность. А под ней часто — пустота.

— Вадим! — голос Влада прозвучал как хлыст. Он отло-

жил нож и вилку, положил ладони на стол. — Ты что это? Дорога утомила? Ты ведёшь себя... невежливо.

«Он защищает её. От меня. Меня, кто готов был отдать за неё жизнь», — подумал Вадим с горькой иронией.

— Извини, — он не звучал извиняющимся. — Дорога и правда была долгой. И обстановка... непривычная.

— А что в ней непривычного? — Влад не отступал. Его альфовская натура, обычно скрытая под маской цивилизованности, проступала наружу. Он чувствовал угрозу своей территории, своей паре. И инстинктивно реагировал.

Алена посмотрела то на одного, то на другого. Напряжение в воздухе стало осязаемым, как запах озона перед грозой.

— Может, стоит сменить тему? — тихо предложила она. — Вадим, расскажите о своём городе. Я там никогда не была. Говорят, он очень живописный.

Но Вадим уже не мог остановиться. Боль, ревность, ярость от непонимания — всё это кипело в нём и искало выхода.

— Что там рассказывать, — он откинулся на спинку стула, глядя на неё в упор. — Обычный портовый город. Грязный, шумный, полный таких же потерянных душ, как и я. Вам, наверное, такой не понравился бы. Вы ведь, как я понял, цените порядок и... чистоту.

Он сделал ударение на последнем слове, и его смысл висел в воздухе: чистота от чего? От таких, как он?

Лицо Алены побледнело. Она отпила вина, но рука дрог-

нула.

— Порядок — не синоним скуки, — сказала она, и в её голосе впервые прозвучала лёгкая дрожь. Обида? Растерянность? — А в хаосе иногда можно потерять себя.

— А может, только в хаосе себя и можно найти, — парировал Вадим. Его волк ликовал от этой словесной схватки, от того, что он наконец пробивает её ледяную оболочку. — Когда все маски срывает ветром.

— Хватит! — Влад ударил ладонью по столу. Зазвенела посуда. Он встал, и его фигура нависла над столом. — Ты переходишь все границы, Вадим. Я пригласил тебя в свой дом, чтобы познакомить с женщиной, которую люблю. А ты ведёшь себя как последний хам. Извинись перед Аленой. Немедленно.

Тишина повисла густая, тяжёлая. Вадим медленно поднял глаза на брата. В их золотистых радужках — общая для них обоих черта — плескалась буря. В глазах Влада — гнев и разочарование. В глазах Вадима — боль и вызов.

Алена тоже встала. Она выглядела хрупкой между двумя этими мощными, заряженными энергией мужчинами.

— Не надо, Влад, — тихо сказала она. — Ничего страшного. Просто... все на нервах. Я, пожалуй, пойду принесу десерт.

Она быстро вышла из столовой на кухню, оставив братьев наедине.

Влад не сводил с Вадима взгляда.

— Что с тобой? — прошипел он, опустив голос. — В чём дело? Ты же никогда не был таким. Она тебе что, не понравилась? Ты ревнуешь? К моему счастью?

Последний вопрос был ударом ниже пояса. И он попал в точку.

— Ты ничего не понимаешь, — сквозь зубы произнёс Вадим, вставая. Он был такого же роста, что и брат, и сейчас они стояли как зеркальные отражения в состоянии войны. — Абсолютно ничего.

— Тогда объясни! — потребовал Влад. — Потому что я вижу только, что мой брат, которого я звал как самого близкого, оскорбляет мою невесту в моём доме!

Объяснить? Как он может объяснить то, что и сам не понимает? Сказать: «Это моя пропавшая любовь, которая почему-то не пахнет и не узнаёт меня, и теперь она твоя»? Он бы выглядел сумасшедшим.

— Забудь, — буркнул Вадим, отворачиваясь. — Просто... забудь. Я уйду. Завтра.

— Ты никуда не уйдёшь, — голос Влада стал холодным, командным. Альфа. — Ты останешься здесь и извинишься. И будешь вести себя прилично. Я не позволю тебе разрушить то, что у меня есть.

Вадим резко обернулся. Близнецовые связи гудели, передавая всплески ярости, боли, непонимания.

— А что, если это уже разрушено, Влад? — выдохнул он. — Что, если это всё — иллюзия?

Он не знал, что имел в виду: их братство или помолвку Влада. Возможно, и то, и другое.

С кухни донёсся звук упавшей тарелки и сдавленное «ой». Оба брата вздрогнули и бросились туда.

Алена стояла над осколками фарфоровой тарелки с пирогом. Она смотрела на свои дрожащие руки, и по её щекам катились слёзы. Тихие, беззвучные. Но это были первые настоящие эмоции, которые Вадим увидел на её лице за весь вечер. И от этого стало ещё больше.

— Простите, — прошептала она. — Я... я не знаю, что на меня нашло.

Влад сразу же был рядом, обнял её, прижал к себе.

— Всё в порядке, дорогая. Ерунда. Главное, не порезалась ли ты?

Вадим стоял в дверях, наблюдая за сценой. Он видел, как Влад защищает её, утешает. Видел, как она прячет лицо у него на груди. И чувствовал себя чудовищем. Палачом, который ворвался в чужой рай и начал крушить всё вокруг просто потому, что его собственная боль была слишком велика.

Но когда она подняла на него заплаканные глаза, в них, сквозь слёзы, он увидел не упрёк, а ту же самую мучительную, непонимающую боль, что грызла его. Будто что-то внутри неё, глубоко и прочно заблокированное, отозвалось на его грубость, на его боль, на этот взрыв хаоса за идеально сервированным столом.

Он не выдержал этого взгляда. Развернулся и ушёл, хлоп-

нув дверь в гостевую комнату. Он стоял посреди безупречно чистой, безликой комнаты, сжав кулаки, и слушал, как его волк воет внутри тихим, безумным воем твари, загнанной в ловушку собственного сердца.

Ужин был окончен. А тихая война — только начиналась.

Глава 5

Тишина в доме Влада была не покоем, а напряжённым ожиданием. Она давила на барабанные перепонки, густея в темноте до состояния физической субстанции. Вадим лежал на спине на слишком мягкой кровати в гостевой комнате и смотрел в потолок, где свет луны, отражённый от снега за окном, рисовал призрачные геометрические узоры.

Внутри него бушевала настоящая буря.

Его волк, сбитый с толку днём, теперь пришёл в ярость. Это была не злоба, а первобытное, неконтролируемое требование. Зверь метался по клетке его тела, царапая изнутри, оглушая психику низким, непрерывным рычанием. Он требовал одного: приблизиться. Выйти из этой комнаты, пересечь холодный коридор, подойти к её двери. Убедиться, что она дышит. Вдохнуть её запах, которого не было, но который должен был быть. Коснуться. Проверить реальность. Заявить права. Права, данные ему девять лет назад в ржавых сумерках заброшенной станции.

Этот зов был сильнее разума, сильнее братской верности, сильнее элементарного приличия. Он горел в крови раскалёнными иглами. Каждая клетка тела кричала о близости той, что была так близка и так недостижима за стеной.

Вадим встал. Пол был ледяным под босыми ногами. Он не зажигал свет, волчье зрение легко пронизывало полумрак.

Он вышел в коридор, сердце колотилось так, словно хотело вырваться из груди и в одиночку совершить этот предательский путь. Дверь в спальню Влада была закрыта. Он замер перед ней, сжав кулаки, чувствуя, как мускулы на руках дрожат от усилия не толкнуть створку.

Оттуда не доносилось ничего. Ни звуков, ни запахов. Слишком тихо. Слишком стерильно.

Сдав низкий стон, он развернулся и почти побежал вниз, на первый этаж. Ему нужен был воздух. Пространство. Холод, который остудит этот адский пожар внутри.

Он вышел через стеклянную дверь в зимний сад, а оттуда — на небольшую застеклённую веранду, выходящую в сад. Морозный воздух ворвался в лёгкие, обжигая, но не принося облегчения. Он распахнул внешнюю дверь и шагнул на утопанную снежную дорожку.

Ночь была ясной, безлунной, усыпанной ледяными бриллиантами звёзд. Снег хрустел под босыми ногами, но холод почти не чувствовался — его заглушало внутреннее пламя. Он сделал несколько шагов к огромной старой ели, чьи ветви, отягощённые снегом, склонялись к земле, и упёрся лбом в грубую, холодную кору. Дышал, выпуская клубы пара.

— Невыносимо, правда? — тихий голос прозвучал прямо за его спиной.

Вадим вздрогнул и резко обернулся.

Она стояла в нескольких шагах, завернувшись в большой шерстяной плед поверх тонкой пижамы. Босиком, как и он.

Её тёмные волосы были растрёпаны, лицо на фоне снега казалось призрачно-бледным, почти сияющим. И снова — никакого запаха. Только лёгкий аромат стирального порошка от пледа и что-то неуловимо-горькое, похожее на полынь. Но не она. Не Ева.

— Что? — его голос прозвучал хрипло, зверино.

— Эта тишина, — прошептала она, не приближаясь. Её глаза, широко раскрытые в темноте, смотрели на него не со страхом, а с тем же самым смятением, что и за ужином. — В этом доме. Она давит. Как будто все звуки проглотил снег. Я не могла уснуть.

Вадим не ответил. Он просто смотрел на неё, впитывая каждый контур, каждую тень на её лице. Его волк замер, затаив дыхание, весь превратившись в слух и внимание.

— Вы тоже не спите, — констатировала она. Не вопрос, а утверждение.

— Да.

— Из-за вечера? Из-за того, что я... — она замолчала, потупив взгляд. — Я не хотела, чтобы вы ссорились с Владом из-за меня.

— Это не из-за вас, — резко сказал он, хотя это была ложь. Всё было из-за неё. Всегда было из-за неё.

— Тогда почему? — она подняла на него глаза. В звёздном свете они казались бездонными. — Вы с первой минуты смотрите на меня так, будто... будто я вас обокрала. Или предала. Я вас чем-то обидела, Вадим? Раньше? Мы... мы

могли встречаться? — она выдавила этот вопрос с огромным усилием, как будто сама мысль была абсурдной.

Сердце Вадима упало, а потом забилося с бешеной силой. Встретаться. Да, они встречались. Целыми днями и ночами.

— Нет, — солгал он, чувствуя, как слово обжигает губы. — Мы не встречались.

Она кивнула, но не выглядела убеждённой. Сделала шаг ближе. Снег поскрипывал под её узкой ступнёй.

— Странно. Вы кажется... знакомым. Не из-за сходства с Владом. Что-то другое. — Она прикоснулась пальцами к своему виску. — Здесь. Как сон, который не можешь вспомнить, но от которого остаётся чувство. Сильное чувство.

Электрический разряд прошёл по воздуху между ними. Его волк издал тихий, сдавленный звук — не рык, а стон.

— Какое чувство? — выдохнул Вадим, не в силах оторвать от неё взгляд.

Она задумалась, её брови слегка сдвинулись.

— Боль, — наконец сказала она тихо. — И... тоска. И ещё что-то. Что-то очень тёплое и очень горькое одновременно. Как шоколад с перцем. — Она вдруг смутилась, отвела взгляд. — Это звучит безумно.

— Нет, — прошептал он. Его рука сама потянулась к ней, но он с силой опустил её. — Не безумно.

Они стояли в молчании, в морозном воздухе, окутанные призрачными облачками пара от дыхания. Мир сузился до этого клочка снега, до двух фигур в ночи, до тишины, кото-

рая была громче любого крика.

— Влад говорит, что вы художник, — снова заговорила она, чтобы разрядить напряжение. — Что вы чувствуете мир иначе.

— Влад ничего не понимает, — сквозь зубы сказал Вадим. — В искусстве, как и в жизни.

— А вы понимаете? — её вопрос прозвучал с искренним любопытством.

— Я понимаю, что иногда то, что мы видим — это ложь. Красивая, прочная, но ложь. А правда спрятана так глубоко, что её не откопать, не разбив всё вокруг.

Она смотрела на него, и в её глазах читалась борьба. Будто его слова резонировали с чем-то глубоко внутри, с какой-то запертой дверью.

— А если разбивать страшно? — прошептала она. — Если за этой дверью может быть пустота? Или что-то такое, с чем не справиться?

— Тогда живешь в этой лжи, — сказал он, делая шаг к ней. Теперь их разделяло меньше метра. Он видел, как её зрачки расширились. Видел, как под тонкой кожей на шее забилась жилка. Его волк ликовал от близости, но снова и снова натывался на глухую стену «ничего» вместо родного сигнала. Это сводило с ума. — И с каждым днём она становится теснее. Пока не задушит.

Она не отступила. Она выдержала его взгляд, этот немой, полный боли и ярости вызов.

— Почему вы говорите со мной так, будто знаете меня? Будто я что-то скрываю?

— А вы разве нет? — парировал он.

Её губы дрогнули. Она обняла себя руками под пледом.

— У всех есть секреты, Вадим. Даже у таких, как я, у которых, кажется, вся жизнь — открытая книга.

— Ваша книга закрыта на семь печатей, Алена, — с горьким ударением на светском имени произнёс он. — И ключ... потерян.

Сверху, из дома, донёсся звук шагов. Тяжёлых, мужских. Влад. Он, должно быть, проснулся и не нашёл её в постели.

Они оба вздрогнули, как дети, пойманные на месте преступления. Электричество в воздухе сменилось ледяным страхом.

— Мне нужно идти, — торопливо прошептала она, уже отворачиваясь.

— Ева, — сорвалось с его губ шёпотом, прежде чем он успел подумать.

Она замерла, будто поражённая током. Медленно обернулась. В её глазах плескался настоящий, животный ужас. И... надежда?

— Что?..

— Ничего, — он сжал зубы, проклиная себя за слабость. — Идите. Пока он не вышел.

Она кивнула, сбивчиво, и почти побежала по дорожке обратно к дому, оставляя на снегу цепочку мелких следов. На

пороге она обернулась ещё раз, бросив на него один последний, непроницаемый взгляд, полный вопросов, на которые не было ответов.

Вадим остался один под старой елью. Он снова упёрся лбом в кору, но теперь уже не от ярости, а от полного бессилия. Он назвал её по имени. Её настоящим именем. И она откликнулась. Не сознанием, но чем-то глубже. Диким, спящим инстинктом.

Его волк утих, но не успокоился. Теперь он сидел, насторожив уши, и принюхивался к ветру, уносящему тот горьковатый запах полыни от её плеча. И впервые за девять лет в его внутреннем вое появилась новая нота — не только боль и тоска, но и хищная, пугающая надежда.

Он понял самое страшное: это не конец его старой боли. Это только начало новой, куда более опасной и запутанной. И ключ ко всей этой тайне лежал не в её памяти, а в той самой «пустоте», что окружала её, как невидимый кокон. В её серёжках с тёмными камнями, в её безупречном, безволчьем спокойствии.

И в том, что его брат, Влад, спал в доме, абсолютно уверенный, что нашёл свою тихую гавань, не подозревая, что эта гавань — на самом деле спящий вулкан, готовый взорваться от одного его, Вадима, присутствия.

Глава 6

Вадим не вернулся в дом сразу. Он бродил по заснеженному саду, пока ступни не потеряли всякую чувствительность, а внутренний огонь не сменился ледяной, рациональной яростью. Ночной разговор с ней — с Аленой, с Евой — оставил после себя не облегчение, а ещё более глубокий хаос. Она чувствовала что-то. Это было важно. Это было опасно.

Когда первые лучи зимнего солнца, слабые и розовые, коснулись вершин елей, он, наконец, зашёл внутрь. В доме царила мёртвая тишина. Он поднялся в свою комнату, чувствуя, как с каждым шагом нарастает тяжесть предстоящего разговора.

Он не ошибся.

Едва он закрыл за собой дверь, как в неё резко постучали. Не прося разрешения, вошёл Влад. Он был одет в тёмные тренировочные штаны и футболку, волосы слегка взъерошены, но выражение лица было не сонным, а собранным, жёстким. Дверь он закрыл за собой с тихим, но весомым щелчком.

— Где ты был? — спросил Влад без предисловий. Его голос был низким, ровным, но в нём вибрировала сталь.

— Гулял. Не мог спать, — Вадим стоял у окна, не оборачиваясь, глядя на просыпающийся сад.

— В два часа ночи? Босиком по снегу? — Влад сделал

несколько шагов вглубь комнаты. Пространство между ними наполнилось заряженными частицами. — Алена тоже не могла спать. И тоже вышла «подышать».

Вадим медленно повернулся. Братья смотрели друг на друга — два зеркальных отражения, искажённые разными эмоциями. В глазах Влада читались гнев, подозрение и разочарование. В глазах Вадима — вызов и усталая боль.

— И что? Теперь ты устанавливаешь комендантский час для гостей? — спросил Вадим, намеренно вызываясь.

— Не издевайся, — отрезал Влад. Его челюсти сжались. — Я хочу знать, что происходит. Твоё поведение со вчерашнего вечера — это не просто дурной характер. Это что-то личное. Что у тебя против неё?

«Что у меня против неё? — пронеслось в голове у Вадима. — То, что она должна быть моей. То, что она была моей. То, что твоя «тихая гавань» построена на костях моего прошлого». Но сказать это он не мог.

— У меня ничего нет против Алены, — сказал он, и это была самая горькая правда из всех возможных. Проблема была не в ней. Проблема была в нём. В них. В проклятом переплетении судеб. — Просто... она мне напоминает одного человека.

— Какого человека? — Влад не отступал.

— Того, кого я потерял. Давно.

На лице Влада мелькнуло понимание, но не то, которого хотел Вадим. Оно было снисходительным.

— А, — протянул он. — Значит, всё-таки ревность. Не ко мне, а к своему прошлому. Ты видишь в ней призрак своей неудачи и злишься, что у меня получилось то, что у тебя — нет.

Удар был точен и безжалостен. Влад всегда умел бить в самые больные места, потому что знал их лучше всех.

— Это не ревность, Влад, — прошипел Вадим. — Это... предчувствие. Что-то здесь нечисто.

— Нечисто? — Влад рассмеялся коротким, сухим смехом. — Ты о чём? Ты хочешь сказать, что Алена мне не пара? Что она какая-то не такая? Ты её видел вчера полчаса, а я знаю её полгода! Я чувствую её! — последние слова он произнёс с такой силой, что, казалось, воздух дрогнул.

«Чувствуешь? — яростно подумал Вадим. — Ты ничего не чувствуешь, брат. Твои чувства обмануты. Она не пахнет, она пуста!»

— Ты действительно её чувствуешь, Влад? — спросил он вслух, и в его голосе зазвучала опасная, язвительная нота. — По-настоящему? Волком? Не как красивую, удобную картинку для своей идеальной жизни, а как свою пару? Ты слышишь её зов? Чувствуешь её суть?

Влад замер. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то — сомнение? Нет, скорее, раздражение от того, что его брат лезет в самые сакральные, интимные глубины.

— Не всё измеряется нашими инстинктами, Вадим, — сказал он холодно. — Не у всех связь бьёт, как ток. У нас

с Аленой всё иначе. Спокойно. Здраво. Это взрослые отношения, а не юношеская страсть, которую ты, видимо, до сих пор не пережил.

Каждое слово было отравленной стрелой. Вадим чувствовал, как теряет контроль. Его волк рычал, требуя вырваться, заявить правду, вцепиться в горло брату за эту слепоту.

— Взрослые отношения? — он засмеялся, и смех прозвучал дико. — Ты построил себе куклу, Влад! Красивую, послушную, не пахнущую! И ты называешь это счастьем!

Гнев, тёмный и первобытный, исказил черты Влада. Он сделал шаг вперёд, сжимая кулаки.

— Заткнись. Ты перешёл черту. Ты не имеешь права говорить о ней так. Ты не знаешь её.

— А ты знаешь? — крикнул Вадим в ответ, тоже сходя с места. Теперь они стояли нос к носу, дыхание смешалось, заряженное одинаковой яростью. — Ты знаешь, кто она на самом деле? Откуда? Что скрывает? Почему у неё нет прошлого? Почему её глаза пустые?

— Её глаза самые чистые и добрые, что я видел в жизни! — рявкнул Влад. — А то, что ты видишь в них пустоту, говорит только о твоей собственной! Ты пустой, Вадим! Вечно ноющий, вечно недовольный, вечно ищущий драму там, где её нет! Ты не можешь смириться с тем, что у кого-то может быть просто тихо и хорошо!

Слова повисли в воздухе, жёсткие и режущие, как осколки стекла. Первая трещина. Не царапина, а глубокий, зияю-

ший разлом в фундаменте их братства. Они оба чувствовали это. Чувствовали, как тонкая нить близнецовой связи натягивается до предела, грозя порваться.

Вадим отступил на шаг, его грудь тяжело вздымалась. Он видел в глазах брата не только гнев, но и боль. Боль от того, что его счастье, его убежище атакует самый близкий человек.

— «Тихо и хорошо», — повторил он с горькой усмешкой. — Вот чего ты всегда хотел, да? Убежища от нашего мира. От нашей природы. Нашёл себе человеческую женщину, которая не будет требовать от тебя ничего волчьего. Которая не почует твоего зверя в полнолуние. Удобно.

Влад не ударил его, хотя Вадим видел, как дёрнулась его рука. Вместо этого брат отступил, и его лицо внезапно постарело, стало усталым.

— Да, — тихо, но чётко сказал Влад. — Я нашёл покой. И я заслужил его. После всего, что нам пришлось пережить, после всей этой борьбы, скрытности, постоянного напряжения... она — моя тихая гавань. Она не боится меня. Она принимает меня таким, какой я есть. Не волком, не альфой стаи, а человеком. Владом. И я не позволю никому, даже тебе, брат, разрушить это.

В его голосе звучала не просто угроза. Это была клятва. Железная, непоколебимая решимость защищать свой маленький, хрупкий мир.

Вадим смотрел на него и понимал, что проиграл. Проиг-

рал не потому, что Влад сильнее, а потому, что Влад — счастлив. И он, Вадим, со всей своей правдой, болью и диким инстинктом, выглядел в этой ситуации лишь озлобленным, ревнивым разрушителем. Он был монстром из прошлого, пришедшим, чтобы испортить настоящее.

— Хорошо, — хрипло сказал Вадим, отворачиваясь к окну. — Защищай свою гавань. Я не буду мешать.

— Нет, — ответил Влад. Его голос снова стал твёрдым, начальственным. — Ты не уедешь. Ты останешься здесь до конца недели, как и договаривались. Ты будешь вести себя прилично. Ты извинишься перед Аленой за вчерашний вечер. И ты попробуешь увидеть в ней не призрак своего прошлого, а человека, который делает меня счастливым. Потому что я твой брат. И мне важно, чтобы вы нашли общий язык.

Это был приказ. Альфы. Глава семьи. И в нём была последняя, отчаянная попытка спасти то, что ещё можно спасти. Попытка вписать дикого, непокорного Вадима в свой упорядоченный мир.

Вадим молча кивнул, не оборачиваясь. Он слышал, как Влад тяжело вздохнул, задержался на мгновение в дверях, а затем вышел, тихо прикрыв её.

Остался один. Снова. Но теперь к внутреннему хаосу добавилось ещё и гнетущее чувство вины. Влад был прав в одном — он заслужил свой покой. Он строил его годами. И Вадим, сам того не желая, стал угрозой этому покою.

Он подошёл к окну и увидел внизу, в саду, Алену. Она

сидела на той же самой скамейке, где они разговаривали ночью, и смотрела куда-то вдаль, закутавшись в тот же плед. Одинокая фигура на фоне белого снега. Его «тихая гавань». Его потерянный рай.

И его волк, вместо того чтобы выть от боли, теперь просто сидел и смотрел на неё через стекло. Смотрел с хищной, терпеливой надеждой. Гавань, может, и тихая. Но под её спокойной поверхностью, он теперь знал точно, скрывались бури. И он, быть может, был единственным, кто мог их вызвать. Или... пережить.

Трещина между братьями была проведена. И через неё теперь сочилась не только старая боль Вадима, но и тень той страшной тайны, что окутывала Алену. Тайны, которую предстояло раскрыть, даже если это означало разрушить идиллию Влада до основания.

Глава 7

Идиллия была хрупкой, как ледяная корка на луже. После утреннего разговора с Владом в доме установилось перемирие, натянутое и молчаливое. Вадим извинился перед Аленой за ужин — сухо, по-деловому, глядя куда-то мимо её плеча. Она приняла извинения тихим кивком, её глаза быстро скользнули по его лицу, задержавшись на синяках под глазами от бессонницы, и тут же отвела взгляд. Влад наблюдал за этим, стоя у камина со скрещёнными на груди руками, удовлетворённый, но не расслабленный.

Чтобы разрядить обстановку (или, как подозревал Вадим, чтобы продемонстрировать брату «нормальность» своей жизни), Влад предложил поездку за город, в лес, к озеру.

— Свежий воздух всем пойдёт на пользу, — сказал он, и в его тоне слышалось приказание, замаскированное под предложение. — Покажу тебе наши места, Вадим. Алена обожает там гулять.

Вадим лишь кивнул. Бежать от этой поездки означало признать своё поражение и страх. Остаться — было пыткой. Он выбрал пытку.

Лес встретил их морозной, хрустальной тишиной. Сосны, одетые в тяжёлые шубы инея, стояли как немые стражи. Воздух был таким чистым и колючим, что им почти больно было дышать. Для Вадима же этот воздух был полон голосов:

запах хвои, следы зайца, промелькнувшего между деревьев, далёкий, едва уловимый дух лисьего логова. Его волк, притихший и настороженный в городе, здесь оживал, шевелился, с любопытством втягивая знакомые, родные ароматы дикой природы.

Они шли по узкой, утоптанной тропинке. Влад впереди, уверенно прокладывая путь. Алена — посередине. Вадим — сзади. Такая диспозиция казалась всем удобной и одновременно символичной. Он не мог не смотреть на неё. На то, как снег скрипит под её зимними ботинками, как она иногда, забывшись, протягивает руку, чтобы коснуться покрытой инеем ветки, и затем с удивлением смотрит на прилипшие к перчатке снежинки. В этих маленьких, неловких жестах иногда проскальзывала тень той девушки со станции — диковатой, очарованной простыми вещами.

— Здесь красиво, — сказала она, обернувшись к Вадиму, и её голос, приглушённый лесной тишиной, прозвучал неестественно громко. — Почти как на открытке. Вы часто пишете такие пейзажи?

— Чаще пишу то, что внутри, — ответил он, не думая. — А не то, что снаружи.

— А что у вас внутри? — спросила она с искренним, детским любопытством, и этот вопрос, заданный при Владе, прозвучал как вызов.

Влад обернулся, нахмурившись, но промолчал.

— Буря, — коротко сказал Вадим, глядя прямо на неё. —

И тишина. Одновременно.

Она задержала на нём взгляд, и снова между ними пробежала та самая искра непонимающего узнавания. Затем она кивнула и пошла дальше.

Они вышли на поляну у замёрзшего озера. Лёд, покрытый снегом, сверкал под косыми лучами солнца ослепительной белизной.

— Вот, — с гордостью сказал Влад, словно это озеро было его личным владением. — Место силы. Здесь хорошо думается.

Пока Влад показывал Алене следы на снегу («Видишь, здесь лось прошёл»), Вадим отошёл к опушке. Его волк требовал движения, простора. Он задрал голову, втягивая полной грудью морозный воздух, и в этот момент его слух, обострённый сверх всякой человеческой меры, уловил тихий, предательский хруст высоко над головой.

Рефлексы сработали быстрее мысли. Он ещё не осознал, что именно происходит, когда его тело уже повернулось и рванулось с места. Это было не бегом человека — это был рывок хищника, молниеносный и беззвучный. Снег взметнулся из-под его ног.

Влад, услышав шум, обернулся. Алена, следуя его взгляду, повернула голову.

Тяжёлая, полуметровая ветка старой сосны, подточенная морозом и тяжестью инея, с глухим шелестом обрывалась вниз. Она падала прямо на то место, где секунду назад стояла

Алена.

Вадим был уже там. Он не отталкивал её. Он просто оказался между ней и падающей угрозой. Его рука взметнулась вверх — не чтобы поймать ветку (это было бы безумием), а чтобы резким, направленным ударом с боковой поверхности ладони изменить её траекторию. Удар был точен, полон дикой, сконцентрированной силы. Ветка, весом в добрых десять килограммов, с треском отклонилась в сторону и рухнула в сугроб в полутора метрах от них, подняв облако снежной пыли.

Всё произошло в долю секунды. От хруста до падения.

Наступила абсолютная тишина. Даже лес будто замер.

Вадим стоял, слегка согнувшись, его рука была ещё вытянута. Он дышал ровно, но сердце колотилось как бешеное — не от усилия, а от адреналина и ужаса от того, что он только что сделал. Он почувствовал тепло её тела прямо за своей спиной. Услышал её сдавленный, прерывистый вдох.

Потом пришёл Влад. Он был бледен.

— Чёрт возьми... — выдохнул он, глядя на ветку, затем на брата. — Вадим... ты...

Вадим медленно выпрямился и отступил на шаг, отдаляясь от Алены. Он встретился взглядом с Владом. В глазах брата читался не только испуг, но и жёсткий, требовательный вопрос: «Как? Зачем так явно?»

Но главное было не это. Главное было — она.

Алена не смотрела на ветку. Она смотрела на Вадима.

Широко раскрытыми, потрясёнными глазами. Её рот был слегка приоткрыт. Она медленно подняла руку и прижала ладонь к груди, как бы проверяя, бьётся ли ещё сердце.

— Вы... — её голос сорвался. — Вы... как вы успели? Вы же были там... — она махнула рукой в сторону опушки. — Это... это невозможно.

Вадим почувствовал, как по его спине побежал холодный пот. Он перегнул палку. Слишком явно. Слишком по-волчьи.

— Рефлексы, — буркнул он, отводя взгляд. — И повезло.

— Рефлексы? — она прошептала. Её взгляд скользнул по его руке, по плечам, снова к лицу. Он был в обычной зимней куртке, но под ней угадывалась та самая сила, которая только что проявилась. — Это было быстрее, чем рефлексы. Вы... вы двигались как...

Она замолчала, не в силах подобрать слова. Но в её голове, он видел это по её лицу, уже складывалась картинка, не укладывающаяся в рамки нормального.

Влад быстро вмешался, подойдя и положив руку ей на плечо.

— Всё в порядке, дорогая. Это просто случайность. Вадим всегда был проворным, ещё с детства. Дрался, как кошка, — он попытался шутить, но шутка прозвучала фальшиво. — Главное, что никто не пострадал. Пойдём отсюда, тут теперь небезопасно.

Он начал уводить её прочь от поляны, но она сопротив-

лялась, всё ещё глядя на Вадима.

— Но... ветка. Она же тяжёлая. Вы её... отбили. Рукой.

— Я её толкнул, она и так падала неровно, — настаивал Вадим, чувствуя, как тонет в собственной лжи. Его рука действительно горела — не от боли, а от удара, от выплеснутой силы.

— Вы не толкнули, вы ударили, — настаивала она, и в её голосе прозвучала та самая упрямая нота, которую он помнил. Нота, с которой она когда-то спорила с ним о смысле жизни и смерти. — Я видела.

— Алена, — голос Влада стал твёрже. — Хватит. Это неважно. Вадим тебя спас, и спасибо ему за это. Давай не будем раздувать.

Он почти насильно повёл её по тропинке обратно. Алена шла, оборачиваясь через плечо. Её взгляд, полный немого вопроса, смешанного со страхом и каким-то странным восхищением, жёг Вадима сильнее любого обвинения.

Он остался один на поляне, рядом с упавшей веткой. Посмотрел на свои руки. Вспомнил её лицо. «Вы двигались как...»

Как волк, — закончил он мысль про себя.

Он сорвал с ветки комок снега и размазал его по лицу, пытаясь остудить жар стыда и паники. Он совершил ошибку. Глупую, детскую, инстинктивную ошибку. Он выдал себя. Не Владу — тот и так знал. А ей. Той части её, что, возможно, спала, но теперь получила мощный, шокирующий сиг-

нал.

Вопросы, которые она задавала раньше тихо и про себя, теперь вырывались наружу. И следующий вопрос мог быть куда более опасным. Вопрос о его природе. А следом — о её собственной.

Он посмотрел на тропинку, где скрылись фигуры брата и невесты. Влад будет злиться. Будет требовать объяснений. Но это было ерундой по сравнению с тем, что творилось в голове у Алены. Лёд под её ногами, под ногами всей этой искусственной идиллии, только что треснул. И трещину эту проложил он, Вадим. Своей сверхъестественной ловкостью и неспособностью стоять в стороне, когда она в опасности.

Его волк внутри не испытывал ни малейшего раскаяния. Он был горд. Он защитил свою самку. Даже если она была самкой его брата. Даже если она сама об этом не знала.

Вадим медленно побрёл вслед за ними, понимая, что обратного пути нет. Он запустил механизм, который уже не остановить. И теперь ему придётся либо бежать, спасая остатки братских отношений и её покой, либо идти до конца, рискуя разрушить всё, но, возможно, наконец-то докопавшись до правды. До той правды, что пряталась за стеклянными глазами и тёмными камнями в её ушах.

Глава 8

После леса в доме воцарилась новая, более сложная тишина. Спасение от ветки висело в воздухе неоспоримым фактом, который все трое старались не трогать, как раскалённый уголёк. Влад стал ещё внимательнее, почти не отходил от Алены, но в его заботе сквозила нервозность. Вадим замкнулся в себе окончательно, отвечая односложно и большую часть времени проводя в своей комнате или бродя по дому, как неприкаянный призрак.

Алене же не давали покоя два образа: молниеносная тень, вставшая между ней и падающей смертью, и глаза Вадима в тот миг — жёлтые, острые, абсолютно нечеловеческие. Она сто раз прокручивала этот момент в голове. Скорость. Сила. И этот взгляд. Рефлексы? Нет. Это было что-то другое.

Её собственные чувства путали её ещё сильнее. Перед Вадимом она испытывала леденящий страх и необъяснимое, магнетическое влечение. Его грубость ранила, а его боль, которую она чувствовала кожей, заставляла сжиматься сердце. Она ловила себя на том, что ищет его взгляд, и тут же отводила глаза, охваченная чувством вины перед Владом.

Чтобы отвлечься, она решила заняться тем, что давно планировала — разобрать коробку со старыми фотографиями, которую Влад принёс из кладовки накануне. «Надо же когда-то начать оформлять семейный альбом», — сказал он с

улыбкой. Теперь эта улыбка казалась ей немного натянутой.

Она устроилась на ковре в гостиной, перед камином, где потрескивали дрова. Рядом стояла чашка остывшего чая. Она открыла картонную коробку, от которой пахло пылью и временем. Первые фотографии — Влад-подросток, суровый и угловатый, с родителями, со своей первой машиной. Она улыбалась, узнавая в этих чертах своего уверенного, взрослого жениха.

Потом она наткнулась на снимки, где Владу было лет двадцать-двадцать один. Время учёбы в университете. И здесь её пальцы замедлились. Она взяла одну из фотографий и поднесла ближе к свету огня.

На снимке Влад стоял на фоне какой-то каменной арки, смеясь. Ему было двадцать один. Примерно столько же, сколько Вадиму сейчас на вокзале... нет, в прошлом. Она прищурилась. Черты лица — да, это Влад. Но... что-то было не так. Линия скул казалась менее жёсткой, уголки губ — более мягкими, а взгляд... взгляд был другим. Не таким собранным, целеустремлённым. В нём была какая-то мечтательная рассеянность, лёгкая грусть. Почти как у...

Она отложила фотографию и взяла другую. Групповое фото. Влад среди друзей. Он стоял чуть в стороне, руки в карманах, смотрел не в объектив, а куда-то вдаль. На этом снимке «непохожесть» была ещё более разительной. Это был не лидер, каким она его знала. Это был... наблюдатель. Мечтатель. Почти как Вадим.

Ледяная игла ткнула её под сердце. Она перебирала снимок за снимком, и с каждой фотографией смутное подозрение росло, превращаясь в тревожный, холодный ком в груди. Они с Вадимом были близнецами. Идентичными. Но люди меняются с возрастом. Однако меняются не до неузнаваемости. На этих фото был молодой человек, который казался странной, неверной смесью двух её знакомых мужчин: черты Влада, но выражение, осанка, энергетика — Вадима.

Не может быть. Это игра света, плод её расстроенного воображения. Она слишком много думает о Вадиме, вот и везде его видит.

Чтобы отогнать эти мысли, она решила пойти в кабинет Влада за альбомом для фотографий, который он упоминал. Кабинет был его святая святых — строгий, упорядоченный, с массивным дубовым столом и стеллажами до потолка. Она редко туда заходила, чувствуя себя чужой.

Альбом лежал на нижней полке. Нагнувшись, она случайно задела локтем несколько книг на соседней полке. Одна из них, толстая, в потёртом тёмно-зелёном переплёте, соскользнула на пол с глухим стуком. На полу рассыпались закладки и какие-то листки.

— О, чёрт, — прошептала Алена, опускаясь на колени, чтобы собрать.

Она поднимала листки со старыми, выцветшими рисунками — схемы ловушек, изображения волков, какие-то руны. Сердце начало биться чаще. Последней она подняла са-

му книгу. Она была тяжёлой, пахла старой бумагой и пылью. Название было вытеснено золотом на корешке: «Мифы и легенды северных народов. Том II. Тотемизм и ликантропия».

Ликантропия. Зловещее, незнакомое слово отозвалось в памяти каким-то смутным, детским страхом.

Книга сама раскрылась на той странице, где лежала закладка — узкая полоска тёмной кожи. Алена замерла, не в силах оторвать глаз от разворота.

Левая страница была занята гравюрой. На ней с фотографической, пугающей детализацией был изображён человек в момент мучительной трансформации: пальцы вытягивались в когти, позвоночник выгибался дугой, изо рта вырывался немой крик. А справа... справа был волк. Но не обычный. Его глаза смотрели с рисунка с человеческим, осознанным интеллектом и древней, дикой печалью.

Над иллюстрациями был заголовок: «Оборотни: между мифом и кровной правдой. Ритуалы, признаки, способы сокрытия».

Воздух в кабинете стал густым и спёртым. Алена почувствовала лёгкое головокружение. Она машинально пробежала глазами по тексту:

«...обладают сверхчеловеческой силой, скоростью и обострёнными чувствами в человеческой форме...»

«...связь с сородичами через т.н. «зов крови» или телепатическую нить...»

«...истинная пара — единственная за всю жизнь, связь с

которой носит мистический, нерасторжимый характер...»

Слова прыгали перед глазами, складываясь в ужасающую, невозможную мозаику. Сверхчеловеческая скорость и сила. Вадим, отбивающий ветку. Обострённые чувства. Его невыносимо пристальный взгляд, будто видящий её насквозь. Зов крови. То необъяснимое, мучительное влечение, которое она испытывала к обоим братьям. Истинная пара. Влад, говорящий о ней как о судьбе...

И фотографии. Молодой Влад, похожий на Вадима. Близнецы. Оборотни. Книга по мифологии с закладкой на самой страшной главе, спрятанная среди деловых бумаг.

Мир под её ногами закачался. Комната поплыла. Она уронила книгу на пол, схватившись за край стола, чтобы не упасть. Дыхание перехватило. Это была паранойя. Это было безумие. Она читала слишком много фантастики. Она находилась в состоянии стресса.

Но кусочки пазла, ужасные, нелепые, библейски-кошмарные, сходились в одну картину с пугающей, неотвратимой логикой.

Она подняла голову и увидела в зеркале на противоположной стене своё отражение: бледное, с огромными испуганными глазами. И серьги. Всегда эти серьги с тёмными, почти чёрными камнями, которые родители велели никогда не снимать. «Это наш оберег для тебя, дочка. Твоя защита». Она никогда не чувствовала в них защиты. Только лёгкое, постоянное давление на мочках ушей, как будто они что-то... сжи-

мали. Подавляли.

Её рука дрожащей ладонью потянулась к левому уху. Пальцы нащупали холодный камень. И в тот же миг из глубин памяти, как со дна чёрного колодца, всплыл обрывок: детская кровать, склонённые над ней испуганные лица родителей, боль в ушах и тихий, надрывный шёпот отца: «... должны скрыть. Должны. Иначе они её найдут. Оба...»

Она с силой отдернула руку, как от огня. По спине пробежали мурашки. Она больше не сомневалась. Она боялась. Боялась книги, фотографий, собственных воспоминаний. Боялась Влада и его секретов. И больше всего — безумного, неистового Вадима, чей взгляд, казалось, видел не её, Алену, а кого-то другого. Того, кем она, возможно, была когда-то. Или... кем была до сих пор, сама того не зная.

Тихо, на цыпочках, она вышла из кабинета, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, глотая воздух. В доме было тихо. Но теперь эта тишина казалась ей обманчивой. Она скрывала вой. Вой зверей в человеческой коже. И она, сама того не ведая, была в самом центре этого зверинца.

Ей нужно было бежать. Сейчас же. Но ноги не слушались. Потому что часть её, та самая, что чувствовала боль и тоску от Вадима, и покой и безопасность от Влада, не хотела бежать. Она хотела знать. Даже если правда разорвёт её на части.

Глава 9

Сон настиг её внезапно и безжалостно, как падение в глубокий колодец. Она даже не помнила, как уснула, уткнувшись лицом в подушку, всё ещё одетая, с запахом старой бумаги и страха, вьёвшимся в кожу.

И вот она уже бежит.

Не по земле — по чему-то тёмному, упругому, что пружинит под её лапами. Нет, не лапами. Она на двух ногах. Но бежит с невозможной, звериной скоростью, и тело слушается её с абсолютной, незнакомой лёгкостью. Она — волчица. Она знает это каждой клеткой, каждым нервом. Её мех серебрится в тусклом, безлунном свете, мышцы играют под кожей мощными потоками силы. Ветер свистит в ушах, смывая все человеческие мысли, оставляя только чистый, животный инстинкт: бежать, искать, найти.

И она ищет. Сердце колотится, посылая в кровь не адреналин, а что-то более древнее, более горячее. Она чувствует их запах на ветру — два одинаковых, переплетённых шлейфа. Дикий мёд, холодный снег, краска и свобода. Её братья. Её сестра. Её... пара? Нет, их двое. Это неправильно. Это невозможно. Но её волчица не сомневается. Она нуждается в обоих. Как в двух половинках одного целого.

Лес вокруг неё меняется, становится знакомым — это тот самый лес у озера, где сегодня чуть не случилось несча-

стве. Но сейчас деревья стоят голые, чёрные, как обгоревшие спички, а снег под её ногами пепельно-серый.

Она выбегает на поляну. И видит их.

Два волка. Огромных, могучих. Один — тёмный, как ночная грозовая туча, с проседью на морде, стоящий неподвижно, как высеченная из базальта статуя. Его золотые глаза горят холодным, неумолимым огнём. Влад.

Второй — пепельно-серый, с шерстью, взъерошенной будто вечным ветром. Он не стоит — он движется, беспокойно вышагивает по кругу, и в его глазах того же золотого оттенка бушует буря боли, тоски и вопроса. Вадим.

Они смотрят на неё. И в их взглядах нет угрозы. Есть голод. Не хищнический, а душевный. Голод по ней. Голод, от которого у неё внутри всё сжимается и разрывается одновременно.

Её волчица издаёт тихий, скулящий звук и делает шаг вперёд. К ним. К обоим. Она не может выбрать. Она не хочет выбирать. Они — её территория, её покой и её буря.

И тут на её шее возникает тяжесть. Холодная, каменная. Она опускает голову и видит: на её шее не мех, а человеческая кожа. И на ней — ошейник из грубо отёсанного тёмного камня, того самого, что в её серьгах. Ошейник туго затянут, впивается в горло, перекрывая дыхание.

Она пытается лапами сорвать его, но лапы снова становятся человеческими руками, слабыми, беспомощными. Камень не поддаётся. Он тяжелеет с каждой секундой, тянет её

вниз, к земле. Она падает на колени, задыхаясь.

Волки смотрят на это. Влад делает шаг вперёд, в его глазах — ярость и бессилие. Он рычит на ошейник, но не может приблизиться, будто его сдерживает невидимая стена. Вадим бросается к ней, но на полпути его отшвыривает назад незримым ударом. Он падает, встаёт, бросается снова — и снова летит прочь, издавая звук, похожий на вой отчаяния.

Камень на шее становится раскалённым. От него идут трещины по её коже, заползая на лицо. Она чувствует, как её истинная сущность — та самая, дикая, свободная волчица — отступает, замуровывается, выдавливается этим камнем обратно в темноту. Из её груди вырывается крик, но он не звучит. Это немой, беззвучный вопль потери.

И в этот момент она поднимает глаза и видит — на краю поляны стоят две тени. Родители. Их лица размыты, но она чувствует их страх, их отчаяние, их вину. Мать плачет. Отец что-то держит в руках — похоже на инструмент ювелира. И шепчет: «Прости, дочка. Иначе они тебя разорвут. Оба. Так нельзя...»

Потом появляется ещё одна фигура — старая, сгорбленная женщина в тёмных одеждах. Ведьма. Она протягивает руку к ошейнику, и камень вспыхивает тёмно-багровым светом. Боль становится невыносимой.

— Спи, дитя, — шипит ведьма голосом сухих листьев. — Забудь. Ты — человек. Только человек.

Тёмный свет поглощает всё. Волки, родители, ведьма —

всё расплывается. Последнее, что она видит, — это два пары золотых глаз, полных одинаковой, всесокрушающей боли, медленно гаснущих во тьме.

Алена проснулась с тихим, сдавленным криком. Она сидела на кровати, вся в холодном поту, сердце колотилось так, будто хотело выпрыгнуть через горло. Комната была погружена в предрассветный полумрак. Она судорожно ощупала шею — никакого ошейника. Только влажная кожа и бешено пульсирующая сонная артерия.

Но ощущение удушья не проходило. Давление. Оно исходило от ушей. От серёг.

Дрожащими пальцами она дотронулась до левой серьги. Камень был холодным, как лёд. Но под подушечками пальцев она почувствовала... вибрацию. Слабую, едва уловимую, будто внутри этого чёрного осколка что-то жило и билось в такт её панике.

Она вскочила с кровати и подбежала к зеркалу. В тусклом отражении её лицо было бледным, почти прозрачным, глаза огромными и полными животного ужаса. Серьги казались сейчас не украшением, а кандалами. Приборами подавления. Тёмными печатями на её душе.

Кошмар был не просто сном. Он был памятью. Правдой, вывернутой наизнанку. В нём было всё: её истинная природа,

два брата, причина её бегства, роль родителей... и ведьма.
«Забудь. Ты — человек. Только человек».

Но она больше не могла забыть. Образы впились в её сознание когтями. Бегущая волчица — это она. Два волка — Влад и Вадим. Каменный амулет — её серьги. Всё сходилось с ледящей душу точностью.

Значит, это правда. Всё, о чём она с ужасом догадывалась, глядя на фотографии и читая ту книгу. Они... нелюди. И она — одна из них. Только её заперли. Запечатали. Украли у неё самой себя.

И Влад... Влад знал? Конечно, знал. Он же оборотень. Он должен был чувствовать. Но он не чувствовал. Потому что камень — амулет — работал. Он скрывал её от всех. И от неё самой.

А Вадим... Вадим чувствовал сквозь пелену. Его дикая, неистовая натура, кажется, билась в эту невидимую стену с первого взгляда. Он узнал в ней ту, кого потерял. Не Алену. Еву. Её настоящую, ту, что бежала в лесу её сна.

По комнате пополз холод, не снаружи, а изнутри. Она обхватила себя руками, но дрожь не прекращалась. Что теперь делать? Сорвать серьги? Освободить то, что внутри? А что, если это чудовище? Что, если она станет тем самым зверем с гравюры? Или... что, если она станет собой?

Или признаться Владу? Но он её обманывал. Он скрывал от неё правду. Всё их «спокойное, взрослое» счастье было построено на лжи. На её неведении.

А Вадим... он не лгал. Он просто болел. От её неведения. И теперь эта боль грозила разрушить всё.

Рассвет за окном медленно размывал черноту ночи, окрашивая её в сизые, безрадостные тона. Алена стояла перед зеркалом, глядя на своё отражение — на женщину, которую не знала. На волчицу, которую боялась. На невесту, помолвку которой теперь нельзя было считать чем-то реальным.

И в глубине её глаз, под слоем страха и шока, медленно разгоралась искра. Не страх, а ярость. Ярость за украденную жизнь. За украденную любовь. И желание — страшное, неудержимое — узнать, кто же она на самом деле, даже если эта правда разорвёт её мир, её помолвку и, возможно, её саму, на части.

Глава 10

Напряжение в доме достигло точки кипения. Оно висело в воздухе густым, горьким туманом, пропитывало стены, отравляло каждую тишину между словами. Алена после кошмара казалась призраком — бледная, молчаливая, с огромными, тёмными кругами под глазами. Она избегала взглядов обоих братьев, а когда их взгляды всё же пересекались, в её глазах читался немой, панический вопрос. Влад был собран, как перед боем, но в его собранности чувствовалась трещина — раздражение от непонятного поведения невесты и яростное недовольство братом.

Вадим же перестал пытаться что-либо скрывать. Он почти не спал, его собственная боль и ярость волка, бьющегося о стену тайны, выжгли в нём всё, кроме одной цели — либо получить ответы, либо сбежать, пока он не совершил непоправимого.

Кульминация наступила вечером. Алена, сославшись на мигрень, ушла в свою комнату (они с Владом пока спали раздельно, соблюдая старомодные приличия перед свадьбой). Влад заперся с ней на десять минут, говорил что-то тихо, успокаивающе. Потом вышел, лицо было мрачным.

Он направился прямо в кабинет, где Вадим, как он знал, прятался от всех. Без стука распахнул дверь.

Вадим стоял у окна, глядя на заснеженный сад. Не оборо-

чиваясь, он почувствовал ярость, исходящую от брата, как волну жара.

— Доволен? — голос Влада прозвучал низко, сдавленно. — Довёл её до белого каления. Она в панике, не знает, что с ней. Что ты ей наговорил в лесу?

— Я ей ничего не говорил, — тихо ответил Вадим. — Она сама всё видит. Чувствует. Просто не понимает, что именно.

— Что она может видеть? Что чувствовать? — Влад шагнул вглубь комнаты, дверь с грохотом захлопнулась за ним. — Ты внушаешь ей какой-то бред своим поведением! Ты смотришь на неё, как голодный волк! Ты почти раздавил ей руку за ужином! Ты прыгаешь, как супергерой, перед ней! Что дальше? На её глазах превратишься?

Вадим медленно обернулся. Его лицо было истощённым, но глаза горели тем самым жёлтым, нечеловеческим огнём.

— А что, если она уже видела? — его голос был хриплым шёпотом. — Не меня. А что-то в себе. Что, если печать даёт трещину, Влад?

Влад замер. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то — не страх, а холодная, расчётливая настороженность. Альфа, оценивающий угрозу.

— О какой печати ты говоришь? — спросил он, но в его тоне уже не было прежней уверенности.

— О той, что скрывает её от нас. От себя. О той, что висит у неё в ушах, — Вадим сделал шаг навстречу брату. Воздух между ними затрепетал. — Ты же знаешь. Ты должен

был почувствовать с первого дня. Твоя пара. Но ты ничего не чувствуешь. Потому что её нет. Там, где должна быть Ева, — пустота. Искусственная, мёртвая пустота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.